

Волков Алексей Владимирович

НАУКА В ПЕРСПЕКТИВЕ ФЕМИНИСТСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

Статья посвящена одной из актуальных тенденций современной эпистемологии - тематизации человеческого измерения научного познания. Несмотря на то, что наука традиционно выступала в качестве социокультурного феномена, тем не менее, в отечественной философии гендерное измерение данного феномена еще не получило достаточного освещения. Восполняя этот пробел, автор реконструирует маскулинный характер европейской науки, показывает взаимосвязь между спецификой женского гендера и предметным содержанием научного знания.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2012/9-1/12.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2012. № 9 (23): в 2-х ч. Ч. I. С. 50-54. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2012/9-1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_hist@gramota.net

8. Лазарян С. С. Воронцовский Кавказ: исторические очерки. Пятигорск: ГОУ ВПО «ПГЛУ», 2009. 248 с.
9. **О введении в Грузии и Закавказском крае Российских мер и весов:** Высочайше утвержденное мнение Государственного Совета, объявленное Сенату Министром Внутренних дел, № 5535 от 2 августа 1832 г. // Полное собрание законов Российской империи (ПСЗРИ). СПб.: Тип. II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1830. Собрание I. Т. VII.
10. **О меновой торговле с горцами по Кавказской линии:** Высочайше утвержденное положение № 19708 от 9 февраля 1846 г. // ПСЗРИ. СПб.: Тип. II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1830. Собрание I. Т. XXI.
11. **О облегчении жителей города Кизляра, потерпевших убытки от набега Горцев, и о вспомоществовании купцам города Астрахани и Кавказской Области по торговым их оборотам:** именный, данный Сенату, № 5196 от 29 февраля 1832 г. // ПСЗРИ. СПб.: Тип. II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1830. Собрание I. Т. VII.
12. **О разрешении беспошлинного пропуска к мирным Горским народам по Кавказской линии железа и стали:** именный, данный Сенату, опубликованный 30 ноября, № 9680 от 4 ноября 1836 г. // ПСЗРИ. СПб.: Тип. II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1830. Собрание I. Т. XI.
13. **О способах поощрения торговли с Горскими народами в Кавказской области:** Высочайше утвержденное мнение Государственного Совета, опубликованное 28 декабря, № 9725 от 23 ноября 1836 г. // ПСЗРИ. СПб.: Тип. II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1830. Собрание I. Т. XI.
14. **О торговых льготах в некоторых укреплениях, находящихся в Прикаспийском крае:** именной, объявленный Сенату Управляющим Министерством Юстиции, № 25059 от 23 марта 1851 г. // ПСЗРИ. СПб.: Тип. II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1830. Собрание I. Т. XXVI.
15. **Об освобождении Горцев от платы за отводимые им в карантин комнаты:** Высочайше утвержденное мнение Государственного Совета № 8875 от 17 февраля 1836 г. // ПСЗРИ. СПб.: Тип. II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1830. Собрание I. Т. XI.
16. Пылков О. С. Российская армия в трансформационных процессах на Северном Кавказе (конец XVIII - первая половина XIX в.). Армавир: ИП Шурыгин В. Е., 2011. 248 с.
17. Феодаева Ф. З. Русско-дагестанские отношения во второй половине XVIII – начале XIX в. М.: Таус, 2008. 296 с.

**RUSSIAN GOVERNMENT ACTIONS FOR TRADE DEVELOPMENT
WITHIN NORTH-EASTERN CAUCASUS IN THE FIRST HALF OF THE XIXTH CENTURY**

Ekaterina Vladimirovna Velikaya
Department of Russian History
Armavir State Pedagogical Academy
vkv200687@mail.ru

The author considers the main actions of the Russian government for trade development within North-Eastern Caucasus in the first half of the XIXth century basing on the Russian Empire laws and archival materials, and shows that the actions were as follows: the construction of fortresses, which became the centers of trade, and roads, the unification of measures, weights and monetary system, the establishment of exchange yards and fairs, the abolition of duties, and the exemption for merchants.

Key words and phrases: fortresses; cities; roads; commodity-money relations; exchange yards; fairs.

УДК 001:1

Философские науки

Статья посвящена одной из актуальных тенденций современной эпистемологии – тематизации человеческого измерения научного познания. Несмотря на то, что наука традиционно выступала в качестве социокультурного феномена, тем не менее, в отечественной философии гендерное измерение данного феномена еще не получило достаточного освещения. Восполняя этот пробел, автор реконструирует маскулинный характер европейской науки, показывает взаимосвязь между спецификой женского гендера и предметным содержанием научного знания.

Ключевые слова и фразы: наука; научное сообщество; научная культура; познание; эпистемология; феминизм; гендер; феминный; маскулинный.

Алексей Владимирович Волков, к. филос. н., доцент
Кафедра философии
Петрозаводский государственный университет
alexvolkoff@bk.ru

НАУКА В ПЕРСПЕКТИВЕ ФЕМИНИСТСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ[©]

Вот уже на протяжении нескольких столетий развитие человеческого общества осуществляется на основе особого рода системы знаний и типа мировоззрения, именуемого наукой. Именно с наукой современный

человек связывает решение первостепенных, фундаментальных вопросов, касающихся структуры материи и эволюции вселенной, возникновения и сущности жизни, происхождения человека и т.д. Между тем, несмотря на то, что наука выступает источником ответов на глубинные вопросы и проблемы, она сама, в свою очередь, также нуждается в осмыслении. Подобное осмысление связывается, как правило, с философией, которая издревле выступала средством демифологизации сознания и воспитания взвешенного, критико-рефлексивного отношения к знанию, из каких бы авторитетных источников это знание не происходило.

На сегодняшний день философия науки представляет богатую панораму идей, направлений, принципов. И, тем не менее, если присмотреться внимательней к этой панораме, то можно обнаружить присущую ей общность и единство. Данная общность проявляется, прежде всего, в «историзации» и «антропологизации» философских исследований науки. Речь идет о том, что наука должна изучаться как феномен, существующий и развивающийся в исторически меняющемся контексте [1]. Это - во-первых. А во-вторых, многими авторами высказывается настоятельная потребность в органичном сочетании и взаимопроникновении философии науки и философии человека [2].

В свете данных тенденций было бы теоретически оправданным взглянуть на науку из феминистской перспективы. В свое время Ст. Тулмин заметил, что физики, а не физика, объясняют физические явления. Продолжая его мысль, можно добавить, что и сами физики отнодь не бесполое существа, и их принадлежность к «сильному» и «слабому» полу, их представления о поле (гендере) как таковом могут накладывать отпечаток как на особенности социальной организации науки, так и специфику порождаемого ей знания. Ниже мы реконструируем некоторые «узловые точки» в феминистской истории науки и коснемся вопроса зависимости предметного содержания научного знания и специфики женского мышления.

Как известно, наука в качестве экспериментально обосновываемой системы знания и социального института берет свое начало с эпохи Нового времени. Занимая историческую точку зрения, трудно не заметить, сколь отчетливо заявляло о себе различие мужского и женского присутствия в социальных институтах науки. Наука считалась сферой проявления разумности, беспристрастности, мужественности – качеств, которые традиционно связывались с представителями «сильного» пола, тогда как частная сфера домашнего очага рассматривалась как место, излучающее теплоту, чувственность, кротость, свойственные женщине. Характерно, что Лондонское королевское общество – одно из первых научных сообществ в Европе – исключало женщин наряду с людьми низкого социального положения (торговцами, ремесленниками и т.д.), детьми из числа субъектов, чьим показаниям, наблюдениям можно доверять. Считалось, что источником истинных суждений, оценок должен быть человек высокого социального статуса – джентльмен, для которого говорить правду – это дело чести [10]. Примечательна в этом отношении история Б. Поттер. Эта женщина была пионером в области исследования лишайников. Путешествуя по Британским островам, она составила классификацию грибов, которая и по сей день представляет интерес для науки. Однако Поттер так и не пришлось собственно лично озвучить свои идеи перед научной аудиторией: женщинам запрещалось присутствовать на заседаниях Линнеевского общества в Лондоне. Написанный Поттер научный доклад о лишайниках был представлен ее дядей. В конце концов, Поттер была вынуждена оставить занятия наукой и посвятила себя написанию детских книг.

В качестве оснований, исключаящих женщин из числа субъектов научного познания, фигурировали как теоретические, так и эмпирические соображения. Долгое время, например, была популярной гуморальная теория древних врачей, философов, в частности Аристотеля, объяснявшего физические и социальные характеристики мужчин (включая их разумность) наличием в мужском теле так называемых «сухих», «горячих» жидкостей, недостаток которых в женском теле оборачивался нехваткой рациональности у женщин. В XVIII веке, после того как стали распространяться сравнительные анатомические измерения женского и мужских тел, женский скелет изображался с подчеркнуто преувеличенным тазом и маленьким черепом, задавая тем самым представление о женщине как существе, вынашивающем и рожающем детей. Кроме того, в рамках физической антропологии, появившейся в середине XIX столетия, половые различия оказались увязаны с расовыми различиями. Уверенные в превосходстве белой расы над остальными, антропологи экстраполировали это превосходство на отношения полов. Считалось, в частности, что женщины должны занимать такое же подчиненное положение по отношению к мужчинам, как негры по отношению к европейцам. Весьма распространенным и популярным было также мнение о том, что женский мозг меньше и легче, чем мужской, и поэтому женщины обладают менее развитыми интеллектуальными способностями, чем мужчины [9].

Первые благоприятные изменения появились в эпоху профессионализации науки, в 80-90 гг. XIX века, когда женщины, наконец, получили доступ к высшему образованию. Как показывает история социальной институционализации науки, первые шаги женщин на пути к участию в коллективных формах научно-познавательной деятельности, в частности в научных лабораториях, были тесно связаны с особенностями их семейного происхождения и положения. Прекрасным тому примером может послужить Кавендишская лаборатория в Кембридже. Женские представители этого научного учреждения – Ф. Фоссет, Э. Сиджвик, Ф. Мартин и др. – шли по стопам своих отцов, братьев, вдохновлялись примером матерей. В Англии после отмены в 1882 году обета безбрачия для университетских профессоров, замужество стало одним из самых распространенных способов упрочить свое пребывание в научном сообществе. Так, Роза Паджет вышла замуж за известного физика Дж. Томсона. Сара Харланд познакомилась со своим будущим мужем У. Шоу, введшим в научный оборот единицу измерения атмосферного давления – миллибар, в лаборатории [5].

Что касается содержания научно-познавательной деятельности женщин, то она, главным образом, была связана с ассистированием исследователю-мужчине в экспериментальных исследованиях, определением количественных значений физических величин, выполнением и проверкой математических вычислений. Подобного рода занятия считались, как правило, скучными и утомительными. Однако женщины работали с должным усердием и аккуратностью. К сожалению, тот исследовательский вклад, который представительницы «слабого» пола вносили в науку, часто оказывался «невидимым» для внешнего наблюдателя, включая и коллег по цеху. Дело в том, что имена женщин-исследователей, участвующих в проведении того или иного эксперимента, не упоминались в научных публикациях. На собраниях научных сообществ, где обычно проводились демонстрации различных опытов, обсуждались теоретические доклады, женщинам не предоставлялось право сообщать о научных результатах или выступать с критикой в адрес коллег – представителей мужского пола.

С приходом XX века ученый-профессионал становится преобладающей фигурой в научном сообществе, однако научные организации по-прежнему осторожно относятся к женщинам, и само слово «профессионал» ассоциируется по преимуществу с мужскими свойствами и качествами. Безусловно, в XX столетии для женщин открылись двери многих научных лабораторий, которые ранее были для них закрыты. Мера представленности женщин-исследователей в сообществе ученых увеличилась за счет социальных наук, гуманитарного знания, а также наук, связанных с познанием мира живой природы (биология развития, приматология). И тем не менее, проблема недостатка женского присутствия в научном сообществе не исчезла. Более того, как показали специальные исследования, в естествознании успела сложиться целая научная культура (совокупность социальных и когнитивных норм и ценностей), которая поддерживает и транслирует представление о том, что научно-исследовательская деятельность – это сугубо мужское занятие.

Уже на стадии обучения в рамках университета студент сталкивается с учебниками, на страницах которых фигурируют мужские имена и фото. Учебные пособия рассказывают о великих ученых – Эйнштейне, Боре, приводят выдержки из их биографии, опуская при этом так называемые детали. В учебниках, например, не упоминается тот факт, что после распространения фотоэмульсионных технологий в физике элементарных частиц имело место широкое применение женского труда. Не будучи собственно физиками, женщины рассматривались как более искусные наблюдатели, чем мужчины. Женщины регистрировали топологии элементарных частиц, и затем фотопленка передавалась мужчине-физику для дальнейших измерений и вычислений [4].

Учебные пособия, научные конференции, научно-популярные работы являются источниками многочисленных нарративов о роли и месте ученых в жизни современного общества, о том образе мысли и поведения, которому следует придерживаться молодому, начинающему исследователю, каких ошибок ему необходимо избегать и т.п. Подобные нарративы вносят свою лепту в оформление гендерной (по преимуществу, маскулинной) идентичности культуры научного сообщества. Как показывают специальные исследования, рассказы об ученых в ряде существенных черт напоминают сказочные повествования: их главный персонаж – ученый – почти всегда представитель мужского пола, который изображается как герой, спасающий человечество от некоей беды, зла [11]. В подобных рассказах о великих героях науки женщины часто появляются в роли источника вдохновения – жен, любовниц. А в том случае, когда они сами выступают в качестве исследователей, они нередко оказываются для науки Чужаками, которым отказывают в предоставлении места в рамках научного учреждения (Э. Нетер, М. Кюри) или исключают из числа Нобелевских лауреатов (Л. Мейтнер, Ву Цзяньсюн, Д. Белл).

Нельзя не заметить, что нарративы, затребующие образ ученого-героя, который, спасая человечество, проникает в глубины мироздания и открывает его тайны, программируют по преимуществу маскулинные ассоциации. Выступая в образе героя, ученый должен быть преисполнен мужества, смелости, отваги, готовности разорвать эмоциональные привязанности, которые как нити соединяют его с миром обыденных, повседневных забот. Как ни странно, но даже в тех случаях, когда женщина-исследователь рисковала жизнью ради научной истины, как, например, М. Кюри, занимавшаяся исследованием радиоактивности, описание ее научной деятельности и образа в целом были далеки от идеологии героизма. В популярной и даже специальной историко-научной литературе часто говорится, что научная работа, выполняемая М. Кюри, была утомительной, скучной, сопоставимой с каждодневным приготовлением пищи и требовала от Кюри усидчивости и терпения.

До сих пор все, что было сказано нами, касалось, прежде всего, науки как социального института. Надо сказать, что еще более важными и интимными являются отношения гендерных представлений и предметного содержания научного знания. И это неслучайно, ведь субъект познания – это не просто носитель сознания, но и представитель определенного пола. И та разность, которая имеет место между мужчиной и женщиной, особенностями их образа жизни, социализации, накладывает отпечаток на способы восприятия себя, других людей и окружающего мира. Разумеется, различия между женским и мужским образом жизни многоаспектны и могут колебаться от эпохи к эпохе, от общества к обществу. В то же время из всего этого меняющегося многообразия, по крайней мере, одно обстоятельство является относительно устойчивым и весьма важным: именно женщины вынашивают, рожают и кормят детей. Как правило, именно они находятся рядом с ребенком после его рождения, повсюду его сопровождают, воспитывают. Этот жизненный факт имеет серьезные гносеологические последствия: женское мышление приобретает некоторую специфичность, отличающую его от мышления мужчин [6; 8].

Уже в первом приближении ясно, что ведение домашнего хозяйства, забота о детях погружают сознание матери в мир материальной необходимости, изменчивых, многокачественных процессов, придавая тем самым женскому мышлению практический, конкретный характер. Такие фундаментальные для материнского образа жизни требования как оберегать жизнь ребенка, способствовать его развитию и усвоению им социально приемлемых моделей поведения порождают и более тонкие особенности женского мышления. Элементарная прогулка с ребенком, совместный поход в магазин, игра дома или во дворе – все это заставляет мать быть настороже, учиться видеть опасность еще до того, как она себя обозначит и развернет. В итоге женщина развивает бдительный, внимательный взгляд, оценивающий и устанавливающий возможности и пределы контроля. В то же время развитие детского организма, сопровождающееся нарастающей активностью, подвижностью, позволяет в полной мере ощутить спонтанность естественного процесса, выходящий за возможности человеческого контроля природный «порыв», «напор». Подобного рода ситуация, в которой с природой приходится считаться, а не навязывать ей свою волю, закладывает основы для выработки диалогического мышления, открытого для встречи с новым, иным.

К числу характерных особенностей женского мышления можно отнести его а-дуальную направленность – отказ от абсолютизации противоположностей при осмыслении окружающего мира. Такие значимые в жизни женщины аспекты как беременность, рождение и кормление младенца позволяют пережить условность дихотомий: «внешнее – внутреннее», «Я – не-Я», «природа – культура» и т.д. Забота о подрастающем ребенке далека от молчаливого оперирования статичным, неизменным объектом. Живое, одушевленное существо вызывает к эмпатии. Его развитие требует навыка оценки степени вмешательства взрослого в чужую жизнь, выработки высококодифференцированных шкал оценивания, более сложных чем, например, «опека – отсутствие опеки», «контроль – отсутствие контроля» и т.д.

Для того чтобы не быть голословным, приведем несколько примеров, иллюстрирующих взаимосвязь между спецификой женского мышления и предметным содержанием научного знания. В 1951 году американской исследовательницей Б. Мак-Клинтон было высказано предположение о том, что коль скоро ДНК находится в тесном взаимодействии с остальными внутриклеточными структурами – цитоплазмой, мембранами, то генетический контроль должен быть функцией сложного взаимодействия внутриклеточных компонентов как целостной системы. Данная идея, однако, противоречила «центральной догме молекулярной биологии» (т.е. положению о том, что ДНК кодирует и передает все необходимые для развития живой клетки «инструкции») и не была принята научным сообществом, что в итоге сильно задержало открытие так называемых «подвижных генов». В 1983 году за это открытие Б. Мак-Клинтон удостоилась Нобелевской премии. По оценкам ряда современных историков, в высказываемых Б. Мак-Клинтон интеракционистских идеях нашли отражение особенности когнитивного стиля, характерного для женского гендера – склонность к холистскому видению, что также стало и дополнительной трудностью для принятия ее идей научным сообществом, состоящим главным образом из представителей мужского пола [3; 7].

Надо сказать, что несмотря на то, что Б. Мак-Клинтон никогда не была замужем и не имела детей, в свете некоторых психоаналитических построений соображения историков действительно заслуживают определенного доверия. Так в рамках теории объектных отношений Н. Ходоров утверждает, что женская и мужская идентичности формируются через различные отношения к материнским узам. Мальчики для утверждения собственной идентичности, как правило, отделяют себя от матери – объекта любви и обожания, тогда как девочки, напротив, склонны к идентификации себя со своими матерями. Одновременно с формированием идентичности происходит и становление различных когнитивных стилей. Для представителя мужского пола в качестве более вероятного и характерного оказывается видение и понимание мира из перспективы обособления субъекта от объекта, объекта от контекста, в котором он существует, а для женщин наоборот – из перспективы связанности субъекта с объектом, а объекта с контекстом. В продолжение сказанного будет интересно заметить, что подъем биологии развития в качестве исследовательской области в 70-80 гг. XX века коррелирует с увеличившимся женским присутствием в данной области. При этом успех в исследованиях одной из самых важных в то время тем – мутаций с материнским эффектом – вновь был связан с приматом холистского когнитивного стиля и в частности убеждения в том, что не только клеточное ядро, но и цитоплазматические влияния могут иметь генетическую природу.

Другой пример из истории иммунологии. Вот уже больше полувека в этой научной области существует модель, согласно которой организму присуща способность распознавать и уничтожать инородные ему сущности. Ведущей при осмыслении иммунологической активности организма выступает оппозиция «свой–чужой». При этом на уровне данной оппозиции подразумевается, что «чужой» – это по определению источник опасности, угрозы. Несмотря на значительный успех и популярность данной модели, следует признать, что она не единственная в области иммунологии. Не так давно, а именно в 90-е годы XX века, появилась модель, согласно которой базовая функция иммунной системы заключается не в том, чтобы идентифицировать и отличать себя самое от всего себе инородного и бороться с ним, а в том, чтобы распознавать сигналы об опасности и реагировать на них, безотносительно к источнику происхождения самих сигналов. Существование альтернативных, конкурирующих моделей в науке – явление нередкое. Примечательно, однако, то, что традиционная теория иммунитета, сформулированная и принятая сообществом иммунологов, в котором лидирующее большинство – мужчины, оказалась изначально мало чувствительной к экспериментальным фактам, связанным, прежде всего, с определенными сторонами женской жизнедеятельности. И наоборот, новая теория иммунитета, выдвинутая Полли Матзингер, гораздо лучше согласуется

с такими фактами как иммунологическая толерантность материнского организма к своему плоду, лактация и т.д. Стоит заметить, что позиция П. Матзингер в современных научных кругах отличается некоторой маргинальностью, что связано не только с экстравагантностью ее теории, но и гендерной идентичностью. Дело в том, что до того как П. Матзингер стала известным ученым, она работала официанткой в барах, клубах и в том числе в клубе *Play Boy* в Денвере. Один из завсегдатаев заведения, университетский профессор, оказал впоследствии существенную поддержку П. Матзингер в начале ее карьеры, что в свою очередь нашло отражение в ироничных, гендерезированных описаниях теории П. Матзингер некоторыми авторами. Предложенная П. Матзингер теория «иммунологической опасности» характеризовалась, например, как «выкормленный иммунитет», «опасные связи» и т.д. Данное обстоятельство заставляет обратить внимание на то, что хотя наблюдение, эксперимент и являются главными источниками познания в науке, тем не менее сама постановка научных вопросов, отбор эмпирических данных осуществляются не без влияния маскулинной и феминной идентичности исследователя [12].

Полагаем, что сказанного достаточно для того, чтобы подвести определенные итоги. В философии давно известен тот факт, что как общество в целом, так и его отдельные системы существуют и функционируют не иначе, как через те представления, которыми обладают их элементы (индивиды) о самих себе и других элементах (индивидах). Наука, будучи одной из таких систем, не является в данном отношении исключением. Как мы постарались показать, среди многообразия тех представлений, которыми обладают индивиды в рамках науки, немаловажное место занимают и гендерные представления. Приведенные нами данные демонстрируют, что, казалось бы, разные вещи – практиковать науку как определенный вид деятельности и утверждать гендерную идентичность – в действительности часто совпадают. На сегодняшний день можно с уверенностью сказать, что именно маскулинная культура, сложившаяся в ряде естественнонаучных сообществ, является серьезным препятствием для притока в них женщин. Научная лаборатория – это, по преимуществу, мужской мир, и этот мир устанавливает достаточно жесткие ограничения на ресурсы выражения гендерной идентичности женщин. Далее, как мы видели, можно говорить и об определенной зависимости предмета научного знания от гендерных установок, интересов, представлений. Последние могут оказывать влияние на выбор направления, предмета научного исследования, способ постановки научных вопросов, языка описания. Подобного рода гендерные представления часто оказываются неявными для самого субъекта научного исследования, выступая как часть «естественного», «само собой разумеющегося» взгляда на мир. В этой связи чрезвычайно важным для обеспечения объективности научного исследования является требование рефлексивности исследователя к своим собственным предпосылкам и установкам.

Список литературы

1. Микешина Л. А., Опенков М. Ю. Новые образы познания и реальности. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 1997. 240 с.
2. Степин В. С. Философская антропология и философия науки. М.: Высш. школа, 1992. 191 с.
3. Barinaga M. Is There a Female Style of Doing Science? // *Science*. 1993. Vol. 260. P. 384–391.
4. Galison P. *Image and Logic: a Material Culture of Microphysics*. Chicago, 1997. 956 p.
5. Gould P. Women and the Culture of University Physics in Late Nineteenth Century. Cambridge: BJHS, 1997. Vol. 30. P. 127–149.
6. Hartsock N. The Feminist Standpoint // *Discovering Reality* / ed. by S. Harding, M. B. Hintikka. Dordrecht – Boston – L.: D. Riedel Publishing Company, 1983. P. 283–310.
7. Keller E. F. *A Feeling for the Organism: the Life and Work of Barbara McClintock*. N. Y., 1983. 272 p.
8. Ruddick S. Maternal Thinking // *Mothering: essays in feminist theory* / ed. by J. Trebilcock. Rowman and Allanheld, 1983. P. 213–230.
9. Russett C. E. *Sexual Science: the Victorian Construction of Womanhood*. Cambridge, 1989. 256 p.
10. Shapin St. *A Social History of Truth: Civility and Science in Seventeenth-Century England*. Chicago, 1994. 476 p.
11. Van der Veen J., Cook-Gumperz J. The Role of Narratives in the Co-construction of Community Identity in Physics [Электронный ресурс]. URL: <http://web.physics.ucsb.edu/~jatila/> (дата обращения: 12.07.2012).
12. Weasel L. Dismantling the Self/Other Dichotomy in Science: towards a Feminist Model of the Immune System // *Hypatia*. 2001. Vol. 16 (1). P. 27–44.

SCIENCE IN PROSPECT OF FEMINIST RESEARCHES

Aleksei Vladimirovich Volkov, Ph. D. in Philosophy, Associate Professor
Department of Philosophy
Petrozavodsk State University
alexvolkoff@bk.ru

The author discusses one of the most topical tendencies in contemporary epistemology – the thematization of human dimension in scientific knowledge, substantiates that despite the fact that science traditionally acts as a social-cultural phenomenon, the gender dimension of this phenomenon has not been sufficiently covered yet in native philosophy; filling this gap reconstructs the masculine nature of the European science, and shows the correlation between female gender specificity and the subject content of scientific knowledge.

Key words and phrases: science; scientific community; scientific culture; knowledge; epistemology; feminism; gender; feminine; masculine.